

Anerkennung hinaus. Wie nachgewiesen werden konnte, ist dies jedoch eine falsche Annahme.

Wenn Tugend das umfaßt, was am meisten erstrebenswert ist, weil es wertvoll ist¹, ist zu fragen: Ist Toleranz etwas, was um ihrer selbst erstrebenswert ist? Die Antwort fällt negativ aus, wenn wir nicht ignorieren wollen, was Marcuse kritisch gegen den abstrakten Begriff von *der* Toleranz einwendet. Der Toleranz sind Grenzen gesetzt, die in der Ansicht in Vergessenheit geraten, daß Toleranz um ihrer selbst willen erstrebenswert ist. Toleranz ist ein Mittel, kein Selbstzweck.

Левченко В. Л.
Одесса

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОГИКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МЫШЛЕНИИ

Ценности, определяющие само существование современной западной цивилизации, возможно рассматривать сквозь генетические и морфологические «очки». Блестящие примеры подобного рассмотрения в нашем столетии являют собой сочинения О. Шпенглера, Й. Хейзинги, М. Фуко и многих других философов. Следует заметить, что культурно-историческая специфика этой смысловой сетки аксиологических феноменов обусловлена теми формами и «цензорами», т. е. разрешительно-запретительными структурами, которые присущи самому мышлению носителей этой культуры.

Одним из значительно определяющих западную цивилизацию ценностным, т. е. позитивно значимым, идеалом является толерантность. Этот ценностный идеал характеризуется нейтрализацией оппозиций, стремлением избегать крайностей и строить intersubjektive отношения в опоре на признание различий как формирующих культурное пространство. При этом для толерантности как культуuroбразующего идеала характерен методологический запрет на выход за пределы знаковой системы, выражающей и пред-

---

¹ Vgl. Lask E. Platon // Gesammelte Werke, III. Band, Tübingen 1924. S. 1—56, hier: S. 56.

ставляющей вышеназванные ее составляющие. По своей природе толерантность как свойство самоорганизующегося «царства различий» отлична и даже противоположна усредненности, основанной на снятии границ и граней, которая так характерна для массового общества.

Существует устоявшаяся точка зрения, рассматривающая средние века как образец культурной эпохи, пронизанной догматизмом и нетерпимостью. Нашей целью является рассмотрение структур западноевропейского средневекового логического мышления как позволяющих создавать условия для культуры толерантности и терпимости при сохранении структурного единства жизнедеятельности. Действительно, средневековому мышлению и культуре в целом присущи такие черты, позволяющие делать соответствующие выводы. Это, во-первых, иерархичность, создающая многоуровневые смысловые «срединные зоны», которые ограничивали возможности столкновения полярных позиций. Во-вторых, средневековая культура пронизана символизмом, требующим интерпретативной работы и, соответственно, разрешающим личностную позицию интерпретатора в общепринятых границах. В-третьих, отсутствие такого социального феномена, как массовая книга, и связанная с этим ориентация сознания на запоминание вызвали интенсивное развитие полемической культуры. При этом последний момент превращал культуру в полисемантическое пространство. В дальнейшем будет продемонстрирован культурный фон и его ментальные характеристики, послужившие позднее основой толерантного мышления.

Конечно, анализ средневековой культуры с позиций предлагаемого ею символического языка дает представление о «неподвижном», замкнутом мышлении, где разум (*intellectus*) понимался не как нечто развивающееся и меняющееся, а как нечто пребывающее постоянно в определенных формах, «образах неподвижности». При этом, даже когда разрушались традиции прошлого, творчески перерабатывались старые определения и возникали новые: «эти новые сами тотчас же становятся традициями и авторитетами»¹. Такая упорная вера в «неподвижность», «неизменность»

---

¹ Карсавин Л. П. Культура средних веков. Пг., 1918. С. 205—206.

вытекала из символического понимания реальности. Ведь, несмотря на признание перспективизма и историцизма в еврейско-христианской традиции, мы должны учитывать, что, например, в экзегетике предписывалось видеть в библейских сюжетах (особенно Ветхого завета) не столько историческое описание событий, сколько предвосхищение грядущего; по выражению Августина, «тень будущего». Это общее настроение высказывалось в том, например, что античные и ветхозаветные герои изображались в литературе и изобразительном искусстве того времени в виде современных авторам рыцарей и клириков. Символизм средневековой картины мира устранял также разрыв между логически упорядоченной природой и человеческим мышлением, организованным по тем же логическим правилам, то есть препятствовал срыву логической гомогенности между ними. В частности, это позволяло рассматривать природу, как неоднократно и отмечалось исследователями, в качестве посредника между Богом и человеком. Ведь изучая ее, раскрывая в природе тайный божественный смысл, человек приближался к самому Богу. При этом принцип равенства перед Богом выступает аксиологической «индальгенцией» для признания права на существование различных смысловых прочтений Книги Природы.

Научное мышление и средства его языкового выражения в эту эпоху увязывались с мифологическим способом при описании возникновения и устройства человека и мироздания. Средневековые мыслители и ученые в конкретных областях знания активно пользовались реминисценциями из различных областей античной культуры. Не случайно именно в эту эпоху появился знаменитый афоризм Бернарда Шартрского, в недавние времена приписываемый другим классикам: «Мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов; мы видим больше и дальше, чем они, не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что мы их выше, но потому, что они подняли и увеличили наш рост своим величием». При этом необходимо учитывать принципиальную установку средневековой интеллектуальной деятельности выявлять и развивать такой ряд проблем, содержание которых не выходило за пределы античного и библейского духовного наследия. Эта позиция по определе-

нию границ и сфер познания позволяла разводить проблемы и различные варианты интерпретации, что снимало напряженность в их взаимном сосуществовании.

Подобная направленность средневекового знания показательно представлена в следующем признании Гийома из Конша: «Мы пересказываем и излагаем древних, а не изобретаем нового, ибо древние намного лучше современных»¹. Эта неприязненность к новшествам даже заставляла некоторых средневековых ученых, например Алебарда Батского, выдавать свои мысли за чужие и приписывать их греческим или арабским мыслителям. С другой стороны, эта культурная эпоха не обнаруживала авторских амбиций, идеи копирайта, т. е. заимствования чужой, если выражаться с помощью современной терминологии, «интеллектуальной собственности». Логическим следствием из этого было признание равенства перед Богом различных интеллектуальных конструкций. А усложненность и конструктивная насыщенность разных интеллектуальных систем приводили к признанию ограниченности человеческого разума перед мудростью Творца. Поэтому при этом наблюдается отход от аристотелевского идеала логической непротиворечивости мышления и понимание необходимости его пересмотра. Библия и другие многозначные тексты святых отцов благодаря своей внутренней насыщенности смыслами, формально противостоящими друг другу, способствуют лучшему постижению Божественного в мире и душе человека. Появляется понимание того, что с приобретением духовного опыта меняются интеллектуальные возможности человека и его ценностные основания, что люди в силу этого отличаются друг от друга, что имеются многочисленные пути восхождения к Богу. Эта тенденция проявилась уже на ранних этапах средневековья, иллюстрацией чего может послужить следующий отрывок из «Исповеди» Аврелия Августина: «Поэтому, когда один скажет: “Он думал, как я”, а другой: “Нет, как раз, как я”, то, полагаю, благочестивее скажу я: “А почему не так, как вы оба, если оба вы говорите правильно?” И если кто увидит в этих словах и третий смысл,

---

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М: Искусство, 1984. С. 136.

и четвертый, и еще какой-то, только бы истинный, почему не поверить, что все их имел в виду Моисей, которому Единый Бог дал составить священные книги так, чтобы множество людей увидело в них истину в разном облике? Что касается меня, то я смело провозглашаю из глубины сердца: если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в моих словах отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой, отчетливой мысли, исключающей все другие, ошибочность которых меня не могла бы смутить»¹.

В связи с этим средневековая герменевтика предполагала четыре уровня интерпретации библейского текста (с соответствующими этому логическими требованиями к мышлению и методологическим средствам) — буквальный, аллегорический, моральный и анагогический, т. е. возводящий к идеалу и универсальной цели². И в этом смысле знаменитое сочинение Пьера Абеляра «Да и Нет» («Sic et Non»), в котором содержались исключающие друг друга высказывания святых отцов по одному и тому же предмету, находится в рамках высказанной Августином апологии многозначности. Метод, получивший свое имя от названия этого сочинения Абеляра, позволял рассматривать каждую вещь (прежде всего всякий текст) с разных сторон и выводить семантическое многообразие мира из его единства и внутренней целостности. Эти открывающиеся перспективы демонстрировали могущество мышления при создании картины мира. Так, любопытной иллюстрацией вышеизложенного является высказывание ученика Абеляра Симона из Турне, который, представив ряд аргументов в пользу св. Троицы, сходя с кафедры, воскликнул: «O Jesule, Jesule! Как я возвеличил твой закон. Однако, если бы лукаво захо-

---

¹ *Августин Аврелий*. Исповедь. М.: СП ИВО — Сид, 1991. С. 338.

² Средневековые студенты следующим образом разъясняли назначение этих четырех уровней в стихе:

Littera gesta docet; quid credes allegoria;
Moralis, quid agas; quo tendas, anagogia,

что переводится примерно так: «О бывшем учит буква, о вере — аллегория, о действии — мораль, о цели — аналогия». См.: *Доброхотов А. Л.* Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. С. 82.

тел я его опрокинуть, я представил бы доводы еще более убедительные...»¹

Например, в средние века громоздкость и неточность космологической концепции Птолемея обосновывалась тем, что разум человека не может полностью постигнуть такие возвышенные сущности, как божественные созвездия. Эти ограничения, в соответствии с оккамовской бритвой, приводили к самоотказу от любых попыток объяснить передачу движения от одной сферы к другой. Принцип экономии мышления имел исключительно рационально-имманентное значение. И в результате, например, в космологии того времени звезды рассматривались в соответствии с общими средневековыми культурно-ценностными установками как сфера небесных знаков, требующая должного прочтения.

Допустимость многозначности интерпретации объясняется также реальным двуязычием, характерным для интеллектуальной деятельности в средневековье. Конечно, огромно преимущество латыни как универсального средства интернационального общения интеллектуалов той эпохи. Но она при этом обладала определенным недостатком, так как для ее пользователей она резко различалась с внутренней речью. Существование средневековой латыни можно признать «культурным вирусом» при мутации мыследеятельности в сторону апологии множественности смыслового наполнения бытия, подобно тем случайным событиям, вызвавшим переход от традиционного к античному обществу. Поэтому с необходимостью говорившие на латыни вынуждены были приблизительно выражать свои мысли. Следовательно, в своем рассмотрении проблемы о соотношении мышления и мира интеллектуалы должны были реагировать на приблизительность выразимости своей мысли и предлагать разнообразные идеологемы по спасению данной эпистемологической ситуации. Так, например, Ришар из Сен-Виктора в своем анализе проблемы трехмерности мира из-за двусмысленности используемых латинских терминов рассуждает одновременно и о геометрических образах, и об отношениях измерения («длина» смешивается с «линией»,

---

¹ Цит. по: *Добиаш-Рождественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья. М.: Наука, 1987.

«ширина» с плоскостью, плоскость мыслится не как отвлеченное понятие, а как часть тела). Для средневекового мышления характерен своеобразный «реалистический» квалитативизм — качества, такие как свет и теплота, присутствуют в вещах как дополнительно прибавляющиеся «вещи», которые при этом могут существовать сами по себе¹.

Вышеуказанные процессы сопровождались, несмотря на отказ от античного идеала формальной непротиворечивости, обоснованием логической недостоверности учений, противоположных и враждебных схоластике. Это вызвало, с одной стороны, четкое размежевание между задачами, стоящими перед философией и теологией, осуществленное Фомой Аквинским в XIII в., и, с другой стороны, расцвет логики в плане разработки процедур логического обоснования и доказательства. В это время начинается семантический анализ аристотелевских понятий, вошедших в активный духовный оборот благодаря появлению новых логических источников на латыни, таких как «Аналитики», «О софистических опровержениях» и др. Этот процесс завершается в так называемых «терминистических учебниках» Петра Испанского, Роджера Бэкона и многих других, в результате чего и закладываются основы современной логики. Поэтому в подобном переплетении грамматических и логических проблем возрастает роль семантического подхода в исследовании природы мышления. Так, Ансельм Кентерберийский в своем анализе языка проводит различие между сигнификацией, выражающей смысловое отношение между словом и обозначаемым им понятием, и апелляцией, которая демонстрирует отношение между словом и его предметом. Поскольку звуковой субстрат нейтрален, так как слова могут менять свои первоначальные значения, в частности через употребление в качестве метафор, то это послужило основанием для разработки так называемых «теорий трансляции», описывающих различные нюансы употребления в различных смыслах одних и тех же терминов. Многозначность и объемность оказываются важными характеристиками мысли и речи. Последняя при этом рассмат-

---

¹ См.: Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. 81—82, 215.

ривается как посредник между мышлением и чувственным опытом. Например, в средневековых учебниках и сочинениях по диалектике часто интерпретируется в этом смысле высказывание «*Petrus currit*», которое может быть истолковано рассудком и как «Петр бежит», и как «камень катится». Поэтому речевым формам противопоставляются чистые конструктивные способности ума, субстанционально независимые и изначально содержащие в себе сущее и не-сущее, ощущаемое и неощущаемое, а речь, соответственно, является единством членораздельности, дискретности и единства, непрерывности. Единый смысл речи понимался как формирующий нераздельно, без перерыва. Произнося по отдельности слова, составляющие высказывание, говорящий в каждом слове имманентно содержит свернутый смысл всей речевой формы.

У Ансельма Кентерберийского прослеживается тесная связь между терминами для характеристики способности мышления, такими как *intellegere* и *intellectus*, и терминами, относящимися к смыслу и значению, такими как *significare* и *signification*, и недопустимость эмпирического условия реальности в теории мышления. Для обозначения двух различных модальностей сознания, понимаемого как распознавание значений, он использует разные глаголы — *cogitare* как держание в уме, моментальное схватывание значений, и *intellegere* как более отчетливое и опирающееся на правило установление смыслового разграничения. Вообще понимание «правил», «правильности», конструктивных особенностей мышления, опирающихся на саморефлексию, является для него основанием для определения таких понятий, как «истина», «справедливость», «свобода воли» и других¹. Речь разума есть аналогично грамматическому правильно или неправильно построенное «внутреннее» (в уме) высказывание или с помощью воображения или понимания смысла².

---

¹ Например, истина — «*правильность*, воспринимаемая одним лишь сознанием», справедливость — «*правильность* воли, сохраненная ради нее самой», свобода выбора — «*способность сохранять правильность воли ради самой правильности*». См.: Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М.: Канон, 1995. С. 186, 193, 218.

² См.: Он же. С. 53.

В принципе для средневековых схоластов в их анализе логических структур высказывания характерно вычленение в качестве его конститутивных моментов — мышления (*intellectus*), субъекта высказывания (то есть экспрессии и воли говорящего), предметно-смысловой исчерпанности. Так, для Абеляра многосмысленность высказывания позволяет видеть за каждым смыслом определенную тенденцию в толковании. Он стремился высветить все скрытые значения слов. Поэтому и педагогическую практику он основывает на дискуссии, а не на безмолвном восприятии уроков. Понимание, отталкиваясь от сомнения, может привести к вере. В результате Абеляр вводит понятие «концепт души», дающее ему возможность продемонстрировать собирание мыслящей душой, в результате напряжения всех ее эмоционально-умных сил, смыслов и помыслов в качестве универсалий, общего, организующих и придающих единство мышления и речи, мышления и мира¹. Через создание подобных способов формализации систематические умы средневековья втискивали в них хаос бытия, без учета чего нельзя понять собственно специфику средневекового мышления.

Характерно, что, с другой стороны, номиналист У. Оккам сделал своим методологическим основанием очевидность и опыт как единственный источник знания. В результате он признавал в онтологии существование конкретных вещей, в психологии — известных в интроспекции психических актов, а в логике — определенных знаков и понятий, обозначающих всегда только единичные вещи, и отказывал, в конечном счете, в праве на существование всему аристотелевско-неоплатоническому комплексу средневековой схоластики.

Оккам подчеркивал онтологическое значение языка знания и подверг номиналистическому анализу его семантическую структуру. В основе этого лежала, в частности, знаменитая «брита Оккама», ориентирующая на жесткую экономию онтологических средств и ведущая к элиминации отвлеченных языковых сущностей в процессе логического анализа естественного языка. Хотя в сочинениях самого

---

¹ См.: *Неретина С. С.* Проблема высказывания у Абеляра // *История науки в контексте культуры*. М.: ИФ АН СССР, 1990.

Оккама «бритва» выражается в двух формулировках: «То, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего» (*Frustra fit per plura quod potest fieri per pauciora*) и «Без необходимости не следует утверждать многое» (*Pluralitas non est ponenda sine necessitate*), последующая традиция вывела третье, следующее из двух вышеуказанных: «Сущностей не следует приумножать без необходимости» (*Entia non sunt multiplicanda sine necessitate*), собственно и являющееся лаконичной формулировкой принципа экономии мышления. Человек способен непосредственно воспринимать существующие отдельно и независимо от его мышления индивидуальные вещи, но, несмотря на это, объектами знания может выступать только то, что бывает истинным или ложным, то есть созданные нами совокупности знания.

Поэтому, согласно оккамистам, вера в откровение не запрещала людям искать собственных путей к этому самому откровению. В результате разводится вера как онтологическая характеристика и знание веры, существующее независимо от антагонизма мышления и сокровенного. Обосновываемое ими фундаментальное различие между Божественным умом и человеческим мышлением дало новый импульс для развития логики.

Развитие логической семантики в средневековой схоластике способствовало тому, что мышление начинает высвобождаться из плена онтологии, становится предметом чисто формального исследования, и законы его функционирования ничего не говорят о структуре самой действительности. В определенной степени это являлось отходом от прежних, остающихся в силе теологических постулатов. Согласно последним сотворенность природы по логическим законам, то есть ее «разумность», и творение мира «по Слову» превращали логику в необходимое и достаточное условие существования мира и его познаваемости. В результате значительно большая увлеченность самим ходом рассуждений, чем собственно содержательной стороной, стабильно зафиксированной в священных текстах, выступала в качестве доминирующей для интеллектуальной жизни общества. В итоге сознание вынуждено было постоянно переключаться с позиции непосредственного созерцания

на рефлексию, то есть в плоскость интеллектуального конструирования. Самодостаточность личной интеллектуальной деятельности, получившая оправдание в принципах созданной логической культуры средневекового западного мира, позволила впоследствии обнаружить в мышлении основание толерантного отношения к окружающей меня действительности.

О. М. Мухутдинов
Екатеринбург

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Относительно какого-либо явления, которое может стать предметом самостоятельного исследования, надлежит прежде всего выяснить, в границах какой науки следует это явление изучать и какие методы будут наиболее подходящими для обнаружения и раскрытия его сущности. Традиционный способ постановки вопроса о сущности, имеющий в виду что-определенность предмета, предполагает в качестве логической формы ответа высказывание «нечто есть нечто». Высказанное таким образом суждение понимается в логике как определение. Задача науки заключается в том, чтобы дать определение понятию исследуемого предмета и затем, исходя из полученного понятия, дать по возможности полное и точное описание явления.

В отношении ряда явлений полнота и точность описания могут быть достижимы, но существуют и такие, для которых указанные характеристики оказываются излишними. Кант в трактате «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» упоминает о ясных и простых понятиях, употребление которых не вызывает никакого недоразумения,— несмотря на то, что значение этих понятий вряд ли когда-либо может быть раскрыто посредством определения. Понятие толерантности является, на первый взгляд, совершенно прозрачным и само собой разумеющимся, но именно такая простота и ясность должны вызывать